

18+

Виктор Явич

Я ВВЕРХ СМОТРЮ - ОТВЕРСТЫ НЕБЕСА

Стихи

Виктор Явич
Я вверх смотрю –
отверсты небеса. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56556673

ISBN 9785005109323

Аннотация

Это книга стихов священника о Любви к Богу, ближнему, женщине. О том, в жизни не надо громко кричать, что-то доказывая другому – нет, надо всегда быть «чутьочку потише и на полтона чутьочку нежней». В книге автор пытается предостеречь читателя от ошибки – вернее, читательницу: «чуть-чуть подправить» ее глаза, слова, ресницы, уменьшить границы ее доступности... почему? Потому что он любит ее. Как и влюблённых, которые просыпаются под робкие звуки колокольного звона. Это стихи о любви...

Содержание

От автора	5
Наше наследие	9
Юность	11
«Иду я, видно, поумневший...»	13
«Настигнет когда-нибудь грусть иль улыбка...»	15
«Я служил там, где лес. Я служил не в пехоте...»	17
«Среди множества серых карнизов...»	19
«Когда придёт он – Понедельник...»	21
В колонии	23
«Как важно то, что провода...»	26
«Я вижу, солнце как садится...»	28
Письмо святого Царя	30
«Пожалуйста, не опоздай сегодня...»	32
«Я жить помедленней, размеренно стараюсь...»	34
В больничной палате – Книга судей Израилевых.	36
Девора	
Хафиз Баси из Судана —	38
«Я понимаю то, что невозможно...»	40
«Летом – разные видео, ракурсы...»	42
Дорога к храму	44
«Определитесь с выбором дресс-кода...»	46
«Вы мне ответьте – пусть наброском...»	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Я вверх смотрю –
отверсты небеса
Стихи
Виктор Явич**

© Виктор Явич, 2020

ISBN 978-5-0051-0932-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

В этой книге собраны стихи, написанные сравнительно давно – несколько лет назад или недавно, а есть только что написанные строки. Как они появляются? Обычно утром – часов в 6 вдруг приходит какое-то слово – одно или два, потом строчка, появляется рифма и рождается новая строка... этот творческий процесс довольно-таки точно описан в одном моем стихотворении:

Я – православный священник и, конечно же, было бы логичным ожидать от моего творчества соответствующей церковной тематики. Да, действительно, я пишу стихи о вере, о Храме, о Боге – только не всегда и не везде эти слова присутствуют в стихах – мне представляется, что это вовсе не обязательно: главное – найти образ, воплощающий или догматы веры или события церковной истории или вообще, вроде бы и не относящиеся к церкви, но проповедующие заповеди любви к Богу и ближнему. Например, в стихотворении «Буду сегодня я сильным и строгим» я рассказываю об ипостасном соединении во Христе двух природ в историческом и этическом аспектах, а в стихотворении «Настигнет когда-нибудь грусть иль улыбка» мне просто хочется напомнить женщине седьмую заповедь, запрещающую блуд. Поэтому мои стихи – прежде всего проповедь: «... идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари», – говорит

Господь в Евангелие от Марка (16 глава, 15 стих). Зачем я сейчас сделал эту точную ссылку? Простите – я ко всему прочему ещё и юрист. Поэтому соблюдаю все необходимые формальности и реквизиты – это, конечно же, ужасно! Но вернёмся к проповеди – вот стихотворение «В течение всех дней, всех этих дней...», рассказывающее о влюблённых, которые встречают вместе прекрасное утро, и их будит колокольный звон: что может быть прекраснее и романтичнее? Я написал это стихотворение ещё и потому, что в Храме «Большой Златоуст» в Екатеринбурге, где я служу настоятелем, самая высокая колокольня – 80 метров, а венчает ее 16-тонный колокол – так что колокольный звон слышно во многих уголках города, он будет влюблённых, будит тех, кто собирается на работу, помогает в выздоровлении больным и врачам в их лечении, о чем сам я часто слышу (рядом с нами травматологическая клиника). Так что колокольный звон – это проповедь, как и стихи. Причём, ни то, ни другое не должно быть назойливым: не надо звонить в 6 утра – в это время надо писать стихи или тихонько спать, сладко посапывая... ведь скоро вставать!

С утра совсем не причесав
Своих волос ужасный ком,
Когда шесть тридцать на часах,
Я жду тихонько за столом,

Что вот сейчас придут слова,

И убегу я с ними ввысь,
Где есть небесная трава,
Где тоже рано поднялись

И прочитали «Отче наш»
И спели утренний тропарь,
И тоже взяли карандаш
Или перо – совсем, как встарь,
Подумав, что он здесь сидит,
Своих волос не причесав,
И что-то думает иль спит,
Когда шесть тридцать на часах?

Как будто это важно им
Узнать в весенней полумгле
О том, кто там необходим,
И кто здесь нужен на земле...

А я все жду с небес слова
И вижу – снег в окне промок,
Где шепчет жухлая трава:
«В начале было слово Бог».

Как утро это вам нужно,
Как нужен свет в окне напротив,
Когда совсем ещё темно
И только-только вы встаёте,
Чтоб потянуться и зевнуть,

Сказав «люблю» жене иль мужу
И после что-то застегнуть,
Взглянув в окно: как там снаружи?
Как это вам нужно» сейчас
В начале дня, столетья, мира —
Чтоб кофе пить не торопясь
С кусочком плавленного сыра...

Наше наследие

Наше наследие – кочки и рытвины,
Мифы, которые были разрушены,
Вербочки, словно девчонки завитые,
Яблоки постные с желтыми грушами.

Наше наследие – в зелени горочка,
Церковь, стоящая там с колоколенкой,
Чуточку выше – пусть хоть на столечко —
Здесьних берёзок, ветром наклоненных.

Наше наследие – милые хлопоты
Стряпать пельмени и прочие вкусности,
Долго молиться – вслух или шепотом —
Может, грехи нам сегодня отпустятся.

Наше наследие – чистые туфельки
Ждут в алтаре – всегда приготовлены,
Девочка в Храме, сладко зевнувшая,
Просто для счастья, просто – без повода.

Наше наследие – проводы в армию,
Слезы, дороги, шеренги и выкрики,
Дальше – в учебку, в группу ударную
И до границы – с полной выкладкой.

Наше наследие – это Раскольников
С Сонечкой вместе читает про Лазаря,
Церковь, стоящая тут с колоколенкой,
За поворотом, сразу же, сразу же... #

Юность

Как хочется быть над широкой рекою,
Смотреть, как стирают белье и смеются,
Как хочется света, тепла и покоя
И снова из города в юность вернуться

На ласковый берег, что видно из окон,
Который так часто зимой забываем,
Заросший крапивой и бурной осокой,
Который не зря называется раем.

Как хочется здесь уходить на рыбалку
В то время как звезды ещё не погасли
Немножко спросонья, немножко в развалку,
Таща за собою нехитрые снасти.

А после сидеть и глядеть в поднебесье
Из лодки, застывшей на утренней глади.
И что там с уловом? Пока неизвестно,
Пока мы собрались созвездия ради...

Как хочется снова на берег вернуться,
Где сразу исчезнет из мира угрюмость,
Где так же стирают белье и смеются,
И так же беспечно купается юность.

«Иду я, видно, поумневший...»

Иду я, видно, поумневший,
С почти седою головой
Без фраз разумных и без спешки
Иду – беседую с собой.

Понять меня сегодня трудно —
Мне собеседник ни к чему:
В дороге этой малолюдной
Канон читаю по псалму —

Канон из лучших моих песен —
Они сейчас всего нужней
В пальто потрепанном и тесном,
Хотя бывало пострашней:

Бывало так – совсем в отрешках
Без хриплых песен и без сил,
Шарфом обмотанный, как цепью,
Я счастье глупое просил.

Зачем? Всегда полезна бедность
На сонной улице во тьме —
«Куда я с нею завтра денусь
Осенним утром и к зиме?», —

Я часто спрашивал, но лучше,
Когда все в жизни без потерь,
Когда к цветам с утра приучен —
Вот, например, как я теперь

Иду, наверно, поумневший —
Мне подаянье ни к чему,
Без фраз разумных и без спешки
Канон читаю по псалму.

«Настигнет когда-нибудь грусть иль улыбка...»

Настигнет когда-нибудь грусть иль улыбка
И на пол заколку уронишь нечаянно
И скажешь: простите за эту ошибку —
Давайте нарежу колбаски и чайник

Сейчас закипит – всего лишь минутку
Нам здесь подождать, посидеть, чуть вздыхая
О том, что работаю я через сутки,
О том, что устала, о том, что такая...

И все происходит, как будто нарочно,
Я с кем-то встречаюсь, кого-то целую,
И письма приходят под вечер на почту.
Давайте царапину я забинтую —

Вы где-то поранились нынче – смотрите:
Я капельку крови смахну осторожно,
А Вы мне платочком сейчас помогите
И улыбнитесь, если не сложно.

Как славно сидим! И сахар вприкуску,
Так, словно бы в детстве – намного вкуснее,
А Ваш пиджачок – немножечко узкий,

Его Вы снимите чуть-чуть попозднее.

А впрочем, «не надо» ты скажешь с улыбкой

И на пол заколку уронишь случайно:

Простите, мужчина, за эту ошибку

И то, что кипит обезумевший чайник.

«Я служил там, где лес. Я служил не в пехоте...»

Я служил там, где лес. Я служил не в пехоте.
Где снега продолжают вечно и завтра.
Где мороз и тайга, где тепло на исходе.
Я служил в энской части ракетного залпа.

Где не видно округи и не помнишь пейзажа,
Потому что ты в шахте на привинченном стуле,
Где все очень спокойно – торжественно даже,
И не слышно движения пущенной пули.

Но экраны возникнут и приблизится снимок,
Где ракеты летят в созидании крови,
И ты молишься, чтобы летели все мимо,
Не разрушив тепла и дыхания кровли

На другом континенте, где нет гроздьев рябины,
Где все молятся странно и одеты иначе,
И на снимке – их лица и руки и спины,
Что вздымаются вверх и склоняются в плаче.

Ну, а ты тоже хочешь на дороге быть с торбой,
Где почти неживой, в облачении белом,
Где машину взорвали, но верблюды есть двугорбый —

Ты на нем, как апостол, и гонимый и беглый

Под отверстым совсем и ликующим небом,
Под которым всегда всем даруется место
И ещё много рыб и ещё много хлеба,
Где закваска возшла из небесного теста.

И поэтому мимо. И ты плачешь, счастливый,
В созерцании света и один на дороге,
Собирая в мешочек с деревьев оливы,
Замирая с молитвой и любовью о Боге,

Что сподобил служить там, где лес, не в пехоте,
Где снега продолжают вечно и завтра.
Где мороз и тайга, где тепло на исходе,
И не слышно разрывов ракетного залпа.

«Среди множества серых карнизов...»

Среди множества серых карнизов
Вдруг увидишь горшочек герани —
Он, как будто откуда-то изгнан,
И, быть может, обижен иль ранен.

Одинок или нет – вот прохожий
Посмотрел и, кивнув, улыбнулся,
И другой – очарованный тоже,
Мимо шел и случайно запнулся.

И не сетует – шаг тут неровный:
Просто вверх посмотрел и увидел,
Как на лацкане старенькой кровли
Ярко-красный букет очевиден.

Он немного, как будто с обрыва,
И ещё, словно брошенный вызов
И ещё, словно знамя порыва,
Как душа, зачеркнувшая низость.

Он кричит, что приблизился праздник
И давайте быстрее узнаем,
Где сейчас очарованный странник,

О котором мы только читаем.

Где его чистота и покорность
И все то, что он знал и не понял,
И зачем всем даруется вольность
И цветок поливается в полдень.

Вот такой есть подарок – как встанешь,
То к иконе напротив прижмёшься
И увидишь горшочек герани
И проходим в окно улыбнёшься.

«Когда придёт он – Понедельник...»

Когда придёт он – Понедельник
Великий день – в начале Пасхи
Страстей Христовых, что поделит
Всю нашу жизнь с тобой на части:

Великий Вторник – день покоя,
Что через день уже наступит:
Совсем недолго ждать нам – скоро
Он станет вовсе недоступен,

Когда Среда к нам обернётся —
Придёт предательством и болью,
Дрожащим деревцем согнётся,
Что станет в Пятницу дрекольем.

А что Четверг? Он будет плакать
И низко-низко наклоняться
И комкать старенькую скатерть:
Как больно нынче умываться...

Пяток Великий – день молчанья,
И мы с тобой без всякой цели
Уйдём и спрячемся в отчаянье —

Свершилось все на самом деле!

Суббота нас вернёт на землю —
Где были мы – навряд ли вспомним:
Но точно в небе и под сенью
Олив – мы помним – полутемных.

Ну, а пока лишь Понедельник —
Великий день в начале Пасхи
Страстей Христовых, что поделит
Всю нашу жизнь с тобой на части.

В колонии

Когда сидишь, то время старит,
Но, может быть, не так уж сильно —
Ведь время доброе настанет
И выйдешь ты в костюме стильном —

Вполне приличный и готовый
Поехать к морю – там, где пальмы
Или туда, где ждут коровы
И дом в деревне – тёплый самый,

Где на реке застыли лодки,
И звезды смотрят безучастно
Под скрип расстроенной лебедки,
К которой ты пройдёшь с участка —

Туда – где баржа издалёка
Пришла, наверное, с Самары,
И ты пришёл сюда до срока —
Ещё, действительно, не старей,

Сюда, где сети в дождь повисли,
Где мысли часто – только жестом,
Где забываются все числа
И все – по-доброму и честно,

И время осторожно лечит —
Ты помнишь неподвижность дома
И знаешь женщины той плечи,
Когда приник к окну пустому

И видишь лик родной калитки
И трепет отворённых створок
В твоей ещё одной попытке
Услышать ночью платья шорох

И вдруг понять и вспомнить кражу,
Когда ты полз почти отвесно
Когда ты шёл потом по пляжу
В совсем другом и ярком месте

И думал: дом ещё далеко,
Где мама ждёт у изголовья
И пару дней всего до срока
И край письма закапан кровью...

Ну, а сейчас – совсем готовый
Поехать не туда, где пальмы,
А там, где шествуют коровы
И дом в деревне – главный самый.

И слышишь хор – смотри, на сцене
Певцы и батюшка и диакон —
Они все встали на колени,

Когда ты слушал и заплакал —
Ведь все на службе, словно дома,
И стул стоит на Горнем месте
И все другое – по-простому,
И про любовь здесь часто – жестом,

Ведь Церковь молится и знает,
Что все мы ждём под небесами,
И женщина письмо читает
У Главпочтамта, под часами.

«Как важно то, что провода...»

Как важно то, что провода
Под снегом утром изогнулись,
Как важно, чтобы никогда
Они в паденьи не проснулись.

Как важно этот миг сберечь:
Ещё чуть-чуть. Чуть-чуть – терпите —
Пусть будет нежной ваша речь
Сегодня утром, берегите

Всех тех, кто рядом тихо спит
Иль далеко и вас не слышит,
Кто очень громко говорит
Иль просто «в личку» что-то пишет.

Скажите им, как важен свет
И то, что в доме есть лампада
И все забыли слово «нет»,
И во дворе скребёт лопата,

Поскольку, видишь – провода
От снега сильно изогнулись...
«Да, вижу-вижу. Вижу – да!»
И в доме все уже проснулись.

«Я вижу, солнце как садится...»

Я вижу, солнце как садится,
Как тихо стало все вокруг,
И только крыши черепица
Роняет слёзы или стук

Дождя иль ржавого железа —
Как мне понять: что сверху там
На гофре мокрой или срезе
Дождинок – ближе к облакам...

Туда уже мне не добраться,
А раньше лазал, но увы,
Теперь мне боязно сорваться,
Хотя лететь лишь до травы.

А там – лежи, смотри на звёзды
В надежде – может, упадёт
Сюда – чуть дальше или возле
Звезда моя меня найдёт —

Звезда – ах, звездочка, конечно!
Я не полезу больше ввысь,
Помедлив, может, иль поспешно
Я просто буду стебель грызть...

Смотреть – как солнышко садится,
Как тихо стало все вокруг,
Как нашей крыши черепица
Роняет слёзы или стук.

Письмо святого Царя

Николая Александровича своей супруге Александре Федоровне в ночь перед расстрелом 17 июля 1918 года в Ипатьевском доме ¹

Ты помнишь эту ночь в июле
И, словно пеньё за окном,
И то, как рано мы проснулись
И не могли уснуть потом.

Как мы сидели в старых креслах,
И занавесочек кайма
Нам говорила: все чудесно,
Все это – вовсе не тюрьма.

Сегодня в день иконописца
Андрей Рублёв напишет сам,
Как все спокойней наши лица,
Как молчаливей этот Храм,
Что в перекрестьи старых улиц
Вознёсся рядом в вышине,
И Петербург и нашу юность
Мы вдруг увидели в окне.

¹ 17 июля совершается память прп. Андрея Рублева, иконописца.

К чему, казалось бы, виденье
И ветерок, что поднялся —
Я помню каждое мгновенье,
И ночи летней небеса...

И как просили все Андрея,
Чтоб написал – вот Херувим
На помощь мчится к нам скорее,
И мы с ним вместе вдаль летим...

А, может, нет – мы знали точно,
Лишь воля Божья может все,
И мы в лесу водой проточной
Умыли потное лицо

Алёше – словно в Петергофе
Он бегал утром и устал,
И все, как будто на Голгофу,
Спустились медленно в подвал,

Ещё не зная ночи жуткой,
Когда взглянул в глаза твои
Таким же тихим, ясным утром
Уже у Храма на Крови.

«Пожалуйста, не опоздай сегодня...»

Пожалуйста, не опоздай сегодня...
Снежок идёт немного синеватый.
Ты в курточке – уже весенней, модной
Побудь сейчас немного виноватой,

Когда войдешь и встанешь молча, слева
И будешь ждать не исповеди – плача
Под грустные и тихие напевы,
Но как заплакать? Трудная задача.

Переминайся, может быть, тихонько,
Придумай так: с носочков и на пятки.
Возьми платочек, береби... Ах, хоть бы
Не позабыть церковные порядки

И все сказать сейчас и перечислить
Грехи, которые гнетут тебя и тянут
И не дают о трепетном помыслить —
Такая штука – собранная память

Из многих дней, событий и свиданий,
Которые приходят тягостно в избытке
Прохладной ночью или утром ранним,

Когда кофейник закипел на плитке...

Пожалуйста, не опоздай сегодня
И в храм войди, уже немного плача
О том, что вдруг испортилась погода.
Как не заплакать? Трудная задача.

«Я жить помедленней, размеренно стараюсь...»

Я жить помедленней, размеренно стараюсь
Без спешки, скрипа шин и шума магазинов.
Мне нравится, когда я в церковь собираюсь,
Аллея нравится – в берёзах и осинах.

Куда спешить? я дом свой долго запираю,
Иду не час, не два, похоже – вечность
По центру, сбоку, мимо и по краю —
Дай Бог дойду, когда наступит вечер.

Мне нравится чуть опоздать – пусть начинают,
А я в углу устроюсь тихо – не заметят.
Зато успел – скажу – испить стаканчик чаю
И может, все же выучу я к лету

Псалом иль несколько... скорей всего два слова,
Как учит нас Господь – не торопиться
Забыть иль вспомнить что-то из былого:
События иль суету иль, может, лица...

Вот так живу и все успеть и выполнить стараюсь.
Лишь бы хватило утром на дорогу силы —
Быть может, хватит, если вечером покаюсь

И упаду, воскликнув: Господи, помилуй!

В больничной палате – Книга судей Израилевых. Девора

Проститься с болью – это просто,
Когда тебе еще лежать
И гладить осторожно простынь
Рукою слабой и читать,

И трогать ветхие страницы,
Когда судья готовит путь,
Чтобы успели колесницы
В дороге долгой отдохнуть,

Чтобы потом взойти на гбру,
Когда Фавор еще во мгле,
Когда Господь призвал Девору
Судить и править на земле,

Чтобы Варак узнал дорогу
И день, когда идти в Кедес,
И Ангел встал бы на пороге
В возникновении чудес,
Когда бы там упал Сисара
И пеший побежал бы прочь,
И Иаиль, как Божья кара,
Его бы приютила в ночь

В шатре, в котором только тени,
В котором льется молоко,
И он, пока еще не пленник,
Но кол торчит в виске его.

Тогда воспела песнь Девора:
Израиль ныне отомщен,
И высятся, не тая, горы,
И всех врагов унес Киссон!

Проститься с болью – это просто,
Когда тебе еще лежать,
И гладить осторожно простынь
Рукою слабой, и читать,

Что сорок лет земля не плачет,
И Бог тебя от бед спасет
И, может быть, улыбку спрячет,
Когда сестра опять войдет.

Хафиз Баси из Судана — иподиакон нашего Владыки

Мне нужны стихи не от Уолта —
Чтобы рифма пела у окна,
И Уитмен видел бы – из пóрта
Убегает новая волна.

Мне цветы нужны не от Шагала —
Чтобы за околицей цвели,
И всегда их трепетно срывали
И потом все время берегли.

Мне нужны не старые пластинки
Или записи с You Tube или WhatsApp —
Молока налили бы из кринки
И тропинкой проводили в сад.

Мне слова нужны не от любимой —
Чтобы кто-то выругался вслед
И толкнули и прошли бы мимо,
И ещё бы выключили свет.

Мне нужны не прочные оковы
Или из Хартума караван
И чужих бы полюбили снова

И никто не умер бы от ран.

Не слова, а чаек южных крики
Мне нужны и с моря легкий бриз —
Чтобы иподиакон у Владыки
Был всегда по имени Хафиз.

«Я понимаю то, что невозможно...»

Я понимаю то, что невозможно
И то, что происходит невпопад
И то, что утешительно и сложно,
И то, чему печалюсь или рад.

Я понимаю дождь, который сильный
И снег, идущий слабо по шоссе,
И просьбу: «Выключи мобильный»,
Когда природа нежится во сне.

Я понимаю истину любую,
Особенно, когда звучит «прощай»
И трогаю ключи – почти вслепую
И раздаю копеечки «на чай».

Я понимаю, если слышу слово,
И если плачут в сутолоке дней,
И если говорят: «Ну, все готово»
И улыбаюсь, если слышу: «Эй!»

Я понимаю все или немножко
И даже, если выпили вина
И даже, если снова – на дорожку,

И кто-то близкий машет из окна.

Я понимаю множество улыбок
И то, что в дождь остался я сухой
И совершил три тысячи ошибок,
И, может, стал немножечко другой.

Я понимаю трогательность жеста
И то, что происходит без следа
И то, что, может, есть немного места
В обители, где молятся всегда.

Я понимаю то, что невозможно
И то, что происходит невпопад
И то, что утешительно и сложно,
И то, чему печалюсь или рад.

«Летом – разные видео, ракурсы...»

Летом – разные видео, ракурсы.
Можно отсюда, а здесь – «по над пропастью»
Можно снимать и плакать от радости
В этой далёкой, крохотной «волости».

Как оказались здесь? Божией милостью
Где-то пешком, на попутках, трамвайчиком.
Видно, она на рассвете приснилась нам
Вместе с косулей и солнечным зайчиком.

Рядышком, рядышком встань с этим деревом,
Что на поляне стоит в одиночестве,
Чтобы подписчики сразу поверили
В наши улыбки и прочие почести,

Что воздаём мы в далёкой Абхазии
Дикой природе, дорогам, развалинам,
Где мы подробно все с SONY облазили —
Даже дворцы и владения Сталина.
Летом – разные видео, ракурсы.
Можно продолжить дальние странствия,
Можно снимать и плакать от радости,
Можно сойти, как в песне, на станции.

Как оказались здесь? Божией милостью
Как-то прошли тропинкой натоптанной.
Видно, она на рассвете приснилась нам
Вместе с равниной и баней натопленной.

Рядышком, рядышком встань с этой банькою,
Что в огороде стоит в одиночестве,
Чтобы подписчики сразу «пролайкали» —
«Ну, и прекрасно, что скособочена».

Прямо у речки в далеком селении,
Где колоколенка висится белая —
Где нас решили «поправить» пельменями
И на закуску – редискою спелую.

Летом – разные видео, ракурсы.
Можно отсюда, а можно со звонницы.
Можно снимать и плакать от радости
То, что тебе написали поклонницы.

Дорога к храму

Уже пора, пора готовиться к зиме
И привыкать пораньше выходить на службу
И спотыкаться с нежностью во тьме,
И помолиться сразу о недужных,

Когда ещё все сладко-сладко спят,
А ты торопишься успеть, летя по главной,
Пока ещё в прогнозах снегопад
И на ночь в доме не закрыты ставни.

Торопишься успеть под строгий свод,
Где утром в храме открывается пространство,
Где, просыпаясь, хор на клиросе поёт
И кто-то шепчет ближнему: останься!

Чтобы пройти во тьме запутанных дорог
Туда, где в таинстве рождаются мгновенья,
Которые в углу, у аналая, дарит Бог,
Когда на плечи опускается прощенье.

Ну, а пока ты видишь бледный лик небес
И облака, что медленно плывут над головою,
Как слева пролетает сонный лес,
И справа кладбище, которое живое,

Где старый сторож форточку открыл
И думает, что скоро всех укроет снегом,
Но все-таки Архангел Михаил
Расчистит путь, что связывает с небом.

Поэтому уже пора готовиться к зиме
И привыкать пораньше выходить на службу
И спотыкаться с нежностью во тьме,
И помолиться сразу о недужных.

«Определитесь с выбором дресс-кода...»

Определитесь с выбором дресс-кода,
И что купить Вам надо про запас —
И что надеть в дождливую погоду
Иль на приём – ну, например, сейчас.

Быть может, с бахромою будут шорты,
Иль длинное пальто и джинсы-решето —
Они подходят для занятий спортом,
А так же для шампанского. А что?

Вы наклоняетесь по пояс или ниже
И даже не пытаетесь постичь:
А кто сейчас Вам дальше или ближе,
И где сегодня волосы постричь?

На голове, а может быть, в Бангкоке,
Где очень важен глянцевоый дресс код,
Когда плывешь или идёшь в потоке
Без всяческих исканий и забот.

Определитесь с выбором одежды,
И что надеть сейчас Вам на приём,
И кем Вам быть – послушной или нежной —

И не забыть о правилах потом.

Быть может, Вы запомните все точно,
Ведь правила сегодня таковы,
Что если Вам спасенье нужно срочно,
То Вам ответят медленно: увы...

Поэтому здесь шорты с бахромою
Иль длинное пальто и джинсы-решето,
А все, что просто – просто за кормою
И бесполезно спрашивать: а что?

И предлагать использовать чернила,
Чтоб написать с надеждой письмецо
И выводить: О, Боже! Я любила
И выбегала как-то на крыльцо...

Определитесь с выбором косынки
В полосочку иль в крапинку – махать,
Когда ушла другая половинка
И надо – что поделаешь – молчать.

Быть может, Вы поступите разумно,
Когда уйдёте даже неглиже,
Оставив все – испуганно и шумно —
Другая, может, чуточку уже...

И там поймёте правила дресс кода,
Когда молчать получится и врозь

В дождливую иль снежную погоду,
Когда продрогли оба вы насквозь,

Одетые, как правило, небрежно,
Ведь правила сегодня таковы —
Когда вы даже сбросили одежды,
То встретиться не можете. Увы...

«Вы мне ответьте – пусть наброском...»

Вы мне ответьте – пусть наброском
На белой простенькой бумаге
Или блокнот купите в киоске
От нас вблизи он, в полушаге —

На тот вопрос о том, что лето,
И облака куда-то делись,
Но все поехали по свету
И сразу там почти разделись.

А что у нас, где тихо речка
Течёт и думает остаться
На вечный срок или под вечер,
Чтобы пришли Вы искупаться?

Не надо Турцию, Мальдивы,
Тананариве и Египет,
Где пляжи, море – все красиво,
И воздух свежестью пропитан.

Но здесь совсем другие дали,
И поле утром в светлой дымке,
Как будто в рай тебя послали

Послушать дивные пластинки.

Вы мне ответьте – пусть наброском
На «мыло» скиньте мне депешу,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.